

Если разрезать яблоко

ОТКРОВЕНИЯ КИНОРЕЖИССЕРА

Москва, январь - 1989. - 21 авг.
- С. 3

Человек, сделавший фильм о молодежи, наверняка немало размышлял о ее проблемах, прежде чем приступить к съемкам. Что же это за проблемы, как их видит сам автор? Наш разговор с тридцативосьмилетним режиссером Александром Ивановым-Сухаревским, который недавно закончил свой первый полнометражный фильм «Корабль».

— Сейчас на экраны страны выплеснулся целый поток фильмов о молодежи. Почему и вы избрали эту тему?

— Да, фильмов о молодежи много, и чаще всего в них рассматривается определенный социальный слой. Вот и мои герои — дети интеллигентов: известных художников, академиков. Они — элита, причем талантливая. Что родители смогли в них вложить?

Маркс говорил: прежде чем заниматься наукой, политикой, искусством, человеку нужно поесть, попить. Мои герои — сыты, обуты, у них есть все, чтобы заниматься творчеством. Тем более что у них есть к этому задатки. Но парадокс: они не знают, что делать со своим талантом. Именно эта проблема меня и волнует.

— Вот вы сказали «элита». Значит, в обществе есть расслоение?

— Определенное расслоение общества — закономерность, надо реально смотреть на вещи. Помните слова Ленина о том, что Советская власть уничтожает неравенство только по отношению к средствам производства. Дальше, соответственно, начинается здоровая конкуренция.

Сказать с твердой уверенностью о появлении высшего слоя в обществе я не могу. Но есть люди, в которых присутствует чувство избранности, для них в понятиях «имидж», «престиж» заключается какая-то магия. Помоему, это нездоровое явление, такие вещи портят человека, он начинает эксплуатировать свое особое положение.

Интеллигентность — очень сложное понятие. Мне трудно, например, представить себе, что, допустим, в Московском университете конца прошлого века студенты перепродавали бы вещи. А сейчас в университетах продают. Что это — опрощение нравов? Результат штамповки кадров? Во всяком случае, есть повод поговорить об элитарности духа и элитарности положения на денежной основе.

— А к своим героям вы как относитесь?

— Я их люблю и мне их жалко. Просто по-человечески. В этих детях существует некая неспособность вписаться в реальную, окружающую их жизнь. Для меня это неразрешимая загадка. Причем это явление, характерное не только для нас, недавно где-то читал: умерла от наркотиков какая-то принцесса в Оксфорде. Ну ведь все есть — принцесса жем — что еще надо?

Я считаю, что во многом виноваты родители. Знаете, как один скульптор спас своего сына от сомнительных соблазнов? Взял его за шкуру, поставил рядом и заставил работать.

Я как-то познакомился случайно с сыном Теда Тэрнера, миллиардера. Очень скромный молодой человек. Работает. Они

там с детства знают, почему фунт лиха, а для нас характерно желание отгородить детей от всех трудностей.

— Так решение проблемы в том, чтобы научить молодежь заниматься делом?

— В общем, да. Надо всем делать дело. Но, с другой стороны, мне очень импонирует такая философия: «Быть счастливым? Это жить на острове, сидеть на берегу и слышать, как растет трава». Очень красиво. Но я этого не делаю. Тут я противоречив. Хотя, думаю, надо искать золотую середину.

— Но ведь ваши герои не делают дела и золотую середину не ищут.

— Я же говорю, я не могу их обвинять. Мне их жалко. В фильме есть такая фраза: «Стыдно работать за кусок хлеба». Но ведь действительно стыдно! Работать только потому, что ты получаешь деньги, только чтобы есть. Работа должна доставлять радость, удовольствие. В самом прямом смысле. Дело не просто в работе, а в том, чтобы подняться выше, обрести духовность. Это вообще проблема XX века: как сделать, чтобы все люди были словно боги — высокие запросов?

Духовность раньше была связана с религиозными основами. Теперь век атеизма, и наука стала как бы светской религией. Любимый человек думает: изобретут какие-то таблетки, и не будет гриппа, изобретут то-то, и корова будет давать по сто литров молока в день. Наука дает такую надежду. Но взамен она дает гигантское производство, и в том числе поточное произ-

водство культурной дешевки.

В год в мире производится несколько тысяч фильмов, сколько-то сот тысяч наименований книг. Но человек, говорят, за всю жизнь может только сорок тысяч прочесть. Как ему разобратся в этом потоке?

— Проблема «отцов и детей», как понимаете ее вы?

— Между каждым поколением существует пропасть, только культурные связи могут помочь им: «Тебе нравится Достоевский? Да, мне нравится». Вот, какой-то мостик уже есть. А вообще поколения идут параллельно, просто одно старше другого. Ко мне приходило очень много молодых людей, и я видел: они такие же, каким был я. Другая музыка, другой ритм, другая прическа, но сердцевина... Как яблоко разрежешь — любое, — а там семечки.

Поэтому я хочу, чтобы зрители, посмотрев мой фильм, подумали о молодежи. У взрослых отношение к ней часто такое: «Вырастешь — поймешь...». А нет, все сложнее. Сейчас много говорят об этом. Действительно, надо относиться к детям, подросткам гораздо серьезнее.

Как-то само собой сложилось так, что серьезно с человеком разговаривают, когда ему за тридцать перевалило. Это страшно и непонятно. Когда я учился в университете, мы изучали работу Гегеля «Философская пропедевтика», а он этот учебник написал для старших классов гимназии.

Человек уже в восемь лет — это сложившееся существо. Он пытается быть взрослым, а ему: «Отстань»...

— Ну, а «панки», рокеры, «любера». Насколько серьезно можно относиться к ним?

— Это просто несовершенство человеческой природы. В молодости преобладают агрессивные желания и жажда избранности. Жажда инстинктивная. За стилем поведения, глупыми высказываниями явно стоит желание покуражиться, показать силу, независимость.

К тому же недостаток культуры плюс вульгарное преподнесение равенства как уравниловки подогревают агрессию. По сути, прикрываясь какими-то идеологическими установками, менее обеспеченные, как материально, так и духовно, сводят счеты с более обеспеченными.

— Насколько определено для вас будущее той молодежи, которой сегодня 15—17 лет?

— Я смотрю в будущее очень оптимистично. Думаю, здесь надо принимать в расчет компьютеризацию. Это поколение будет более одиноко, но более четко ориентировано. Практичнее, может быть. Информация, которую четко добывают, так же и человека особым образом формирует.

Древние сидели в роще, беседовали, прогуливались. Шум листвы, оливки, вино, разбавленное водой, как пили древние греки... А тут ящик, компьютер: тук-тук-тук. Сам этот звук уже менять их будет. Они будут более одиноки, но не будут страдать от этого.

Беседу вели
П. ГУДКОВ,
И. МАЛЯРОВА.